

* * *

Жизнь от лунного света бледна,
И её не объять, не измерить.
Она словно простора княжна,
Ну а я – её крепкая челядь.
И она показала мне вновь
Расставаньем отточенный ноготь,
Мне её в этот раз не растрогать:
Всё не так, сколько ни многословь,
И слова мои – стынущий дёготь.

Знаю я, что закончился вар,
И от старой прикрытой дегтярни
В звёздный сумрак берёзовый пар
Вновь уходит, как в армию парни.
И от шпал, от колёс и сапог
Запах тянется бережной смазки

И глядит без всевышней подсказки
Поседевший дегтярь, словно Бог,
На солдатские сумки и каски.

* * *

На заготовках чахнут лица,
Грузили немцы ночью торф
И ожидали, что приснится
Им Кобленц или Дюссельдорф,

И вспоминали Рейн вестфальцы,
Нацистов шабаши в пивной,
Немели щёки, губы, пальцы,
За ними наблюдал конвой

Не думали они всерьёз,
Что русский снег, небес посланник,
Вояк в тряпье от Хуго Босс
Прогонит навсегда в торфяник,

И там, на дне, прочтёт пехота
Слова на пряжках: «С нами Бог!»,
И выпустит из тьмы болото
Пленённых душ холодный вздох.

* * *

Я слушаю огонь –
Один – в чужом краю.
Прошу, меня не тронь,
Не предавай зверью!

Теперь в руках твоих
И жизнь, и смерть моя.
Молю, чтоб ты не стих,
Ты для меня – семья.

И вверх летит искра,
И слышится ответ,
И близится кура,
Которой я отпет.

И вмиг вокруг меня
Звериный весь приплод,
Но лития огня,
Я верую, спасёт.

* * *

За церковью, от проездной харчевни
Несло углями, пивом, шашлыком,
И на крыльце курил с проводником
Приезжий, говорящий о деревне.
Виднелся за его спиной мешок,
Он сжал в руках баулы и коробки,
И запах от него последней стопки
Понёс вдоль Волги встречный ветерок,
Вбирая вонь костров и салотопки.

Я шёл домой и видел: за лабазом,
Обнявшись, мама говорила с ним,
Казалось, он ей был таким родным –
Чужой мой дед под облетевшим вязом

С лицом продолговатым, земляным.
И горечью светились две слезы.
Мой пришлый дед, мой сын врага народа,
Тебя, как брата, скрыла непогода,
Рассеяв запах скорби и кирзы.

* * *

Он приходил и брал займы у мамы,
Сосед, широкоплечий здоровяк,
Стоявший опираясь на косяк,
Под тихий оклик радиопрограммы,

В того пришьельца всматривался долго,
На кисти у него был грубый знак...
Что означала давняя наколка –
Чернильный след житейских передраг?

Казалось мне: под знаком скрыты тайны
Судьбины отставного речника.
И думалось, что тайны те – бескрайни,
И глубоки, как Волга глубока.

Что значила его татуировка,
Мне было не понять, ведь я был мал,
Но жизнь его спасала трёхрублёвка, –
Он возвращать не думал, только брал.

ЛОВЦЫ

Где берег и обрывист, и пещерист
От паводков, разливов, и дождей,
И где вода становится теплей,
И рыбы собираются на нерест –
Петра с отцом ждёт рыболов Андрей.

К воде не смеет подойти ловила,
Он знает, что в глубинах тёплых рек,
В которых утонул последний снег,
Пора любви подводной наступила,
Уйдя от зимних сказочных опеков.

И кажется, что глубь воды готова
Принять в объятия каждого из нас
И вылечить от жизненных проказ,
И тихо подступает время лова
И мир надводный вновь голубоглаз.

Но там, на глубине, на самом дне,
Ерши и щуки, судаки и сомы,
Забыв о холоде, восстав из полудрёмы,
Размножились в семейной западне
И кинулись с потомством в водоёмы.

Все знают, скоро постным дням конец,
Андрей и Пётр закинут ловко снасти.
Страстные дни, удачу их не сглазьте! –
Ведь каждый небом призванный ловец
Живёт не по своей, а высшей власти.

* * *

Мы никогда с отцом не рвали глотки
И тельники носили на двоих.

Когда я уходил из мореходки,
То папа был ещё среди живых.

Позднее, под хмельными парусами,
Рванулся он к незримым берегам –
Туда, где люди сходятся сердцами,
Не отвлекаются на миг по мелочам.

Он где-то там, а я хожу по суше,
И век считает скорости узлы.
Но говорят ночами наши души,
И мысли наши – двух миров послы.

Осталась от него одна тельняшка,
И годы разделились меж полос,
И нашей встречи долгая оттяжка
Нам не страшна – матроса ждёт матрос.